

Чиркун Анна Борисовна

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой лексикологии
испанского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Hanna Chyrkun

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Spanish Lexicology
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
chirkun.anna@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭВФЕМИЗМЫ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ

ECONOMIC EUPHEMISMS IN THE SPANISH LANGUAGE THROUGH THE LENS OF HISTORY

В статье представлен всесторонний лингвистический анализ экономических эвфемизмов в испанском языке в их историко-дискурсивной перспективе. Исследование охватывает ключевые этапы социально-экономической эволюции Испании – от франкистского режима до цифровой демократии XXI века – и демонстрирует, как эвфемизация функционирует в качестве инструмента институционального влияния и языкового моделирования реальности. Особое внимание уделяется прагматическим функциям эвфемизмов в экономическом дискурсе: от смягчения восприятия социально чувствительной информации до легитимации политико-экономических решений.

Ключевые слова: *экономический дискурс; эвфемизм; дискурсивные стратегии; манипуляция восприятием; легитимация; политико-экономический контекст.*

The article presents a comprehensive linguistic analysis of economic euphemisms in the Spanish language from a historical and discursive perspective. The study covers key stages of Spain's socio-economic evolution – from the Francoist regime to the digital democracy of the 21st century – and demonstrates how euphemization functions as a tool of institutional influence and linguistic shaping of reality. Special attention is given to the pragmatic functions of euphemisms in economic discourse: from softening the perception of socially sensitive information to legitimizing political and economic decisions.

Key words: *economic discourse; euphemism; discursive strategies; perception manipulation; legitimization; political and economic context.*

В условиях современной глобализированной экономики язык все чаще используется не только как инструмент описания действительности, но и как средство воздействия на сознание массовой аудитории. Особенно отчетливо данная тенденция проявляется в экономическом дискурсе, отличающемся высокой степенью социальной чувствительности и политической ангажированности. В подобных условиях выбор языковых средств приобретает особую значимость, поскольку способен влиять на интерпретацию и восприятие экономических процессов, а следовательно, и на принятие решений на институциональном и индивидуальном уровнях.

Такие понятия, как *кризис, безработица, инфляция, сокращения и банкротство*, обладают высокой эмоциональной нагрузкой, и их использование может спровоцировать социальную дестабилизацию. В связи с этим

особую значимость приобретает эвфемизация – лингвистический механизм, предполагающий замену негативно маркированных единиц нейтральными либо положительно окрашенными аналогами. В данном контексте экономические эвфемизмы выступают в роли риторического механизма, маскирующего реальные трансформации и одновременно формирующего общественно приемлемую интерпретацию происходящего.

Эвфемистические конструкции выполняют не только функцию смягчения негативной информации, но и играют важную роль в институциональном дискурсе, легитимируя определенные социально-экономические меры и управляя общественным мнением. В условиях политической нестабильности, экономических кризисов и социальных конфликтов язык приобретает функцию своеобразного средства «психотерапевтического» воздействия, позволяющего снижать уровень социальной тревожности.

Испанский язык предоставляет богатый эмпирический материал для анализа эвфемистических стратегий, применяемых в экономическом дискурсе. Исторические трансформации Испании – от авторитарного режима Франсиско Франко к парламентской демократии, от протекционизма к интеграции в мировой рынок – сопровождались изменениями в языковом оформлении экономических реалий. Экономические эвфемизмы отражают не только социолингвистическую динамику, но и идеологические установки различных эпох, свидетельствуя о глубокой взаимосвязи языка с политическим строем, институциональными интересами и ментальными установками социума.

Цель настоящего исследования заключается в осуществлении комплексного анализа экономических эвфемизмов в испанском языке в их исторической и дискурсивной динамике. Исследование охватывает ключевые этапы социальной и экономической трансформации страны – от франкистской диктатуры до цифровой демократии XXI века – и позволяет проследить эволюцию лексико-семантических и прагматических характеристик эвфемистических единиц в зависимости от политико-экономического контекста.

Эвфемизация представляет собой сложное и многоплановое лингвистическое явление, изучаемое на пересечении социолингвистики, прагматики и дискурс-анализа. Согласно мнению ряда исследователей, эвфемизмы представляют собой «эмоционально нейтральные или стилистически смягченные» заменители выражений, потенциально воспринимаемых как грубые, неэтичные, неудобные или социально нежелательные [1; 2; 3; 4; 5]. Как подчеркивают К. Аллан и К. Бурридж, эвфемизм – это не просто лексическая альтернатива, а стратегическая замена, направленная на сохранение «лица» участников коммуникации, в том числе и в институциональном дискурсе [6, с. 11].

Эвфемизация активно функционирует в социально чувствительных зонах: в сфере физиологии, смерти, религии, гендера, политики, а также экономики. По мнению М. Л. Ковшовой, экономический и политический дискурс представляют собой наиболее плодотворную почву для эвфемизации, поскольку здесь задействованы не только этические, но и стратегические (манипулятивные) цели [5, с. 274].

Испанские лингвисты рассматривают эвфемизмы как ключевые инструменты институционального контроля над восприятием. В их работах подчеркивается, что язык официальных заявлений и СМИ в Испании выстраивается как «политико-экономическая риторика убеждения», в которой эвфемизмы функционируют в роли «ретуши» реальности [7; 8]. Особенно активно такие стратегии развивались в переходный период после диктатуры Франко и в эпоху неолиберальных реформ.

Испанские лингвисты выделяют следующие функции эвфемизмов в экономическом дискурсе: *камуфляжная функция* – сокрытие негативного содержания за нейтральной или положительной лексикой; *легитимирующая функция* – придание мерам государственного регулирования видимости рациональности и необходимости; *идеологическая функция* – вписывание экономических действий в доминирующие дискурсивные парадигмы, например, «рынок», «конкурентоспособность», «эффективность»; *прагматическая функция* – снижение тревожности и избежание паники в условиях кризиса [8].

Принципиально важной для лингвистического анализа является и связь эвфемизации с механизмами дискурсивного манипулирования. По мнению Т. А. ван Дейка, институциональные акты речи не только транслируют информацию, но и управляют интерпретацией через выбор лексики, синтаксиса и тематического акцента [9, с. 371]. Именно на этом уровне экономические эвфемизмы выступают как инструмент «управления знанием» и «регулирования оценки».

Таким образом, эвфемизация в экономическом дискурсе – это не столько лексическое смягчение, сколько дискурсивная стратегия, направленная на управление общественным восприятием и легитимацию решений. Она активизируется в условиях кризиса, реформ или социальной нестабильности, выступая в роли лингвистического фильтра между реальностью и ее представлением.

Эвфемизация функционирует как универсальный лингвистический механизм, подверженный социокультурному и политическому влиянию. Однако особенности ее реализации напрямую зависят от конкретного исторического контекста. В случае Испании, где XX и XXI века были маркированы резкими политико-экономическими трансформациями – от авторитаризма к демократии, от изоляции к интеграции в глобальную экономику, – прослеживается четкая эволюция эвфемистических стратегий.

На протяжении последних восьми десятилетий испанский экономический дискурс неоднократно трансформировался, отражая не только реальные изменения в экономике, но и смену идеологических установок, риторических форм и стратегий управления восприятием. Эвфемизмы, функционирующие в данном дискурсе, являются лингвистическими индикаторами этих перемен: их тематика, структура и прагматическая нагрузка изменялись в зависимости от политического режима, социальной чувствительности и медиатизации языка власти.

Эпоха франкизма

Экономический дискурс эпохи франкизма формировался в условиях жесткой идеологической регламентации, закрытости и подавления инакомыслия. Язык служил не только средством коммуникации, но и инструмен-

том государственной пропаганды. В этой системе эвфемизация выполняла преимущественно маскирующую функцию, скрывая реальные экономические трудности и легитимируя социально-экономическую модель авторитарного государства.

Доминирующим идеологическим вектором данного периода являлась концепция *autarquía económica* – экономическая самоизоляция, интерпретируемая как форма национального суверенитета. При этом сам термин *autarquía* ‘автаркия’ функционировал как эвфемизм, замещающий такие негативно окрашенные обозначения, как *aislamiento económico* ‘экономическая изоляция’, *escasez de recursos* ‘нехватка ресурсов’ или *racionamiento* ‘нормирование товаров’. В публичной риторике избегались прямые упоминания дефицита, инфляции или экономического спада – вместо этого использовались нейтральные или позитивно окрашенные выражения: *orden económico nacional* ‘национальный экономический порядок’, *reconstrucción productiva* ‘восстановление производственного потенциала’, *economía controlada* ‘контролируемая экономика’.

Одним из ключевых механизмов эвфемизации выступала лексическая десемантизация: термины лишались конкретного негативного содержания и наполнялись абстрактно-идеологической коннотацией. Например, выражения *reestructuración del sistema productivo* ‘реструктуризация системы производства’ или *modernización industrial* ‘промышленная модернизация’ замещали упоминания о провалах в сельском хозяйстве и утрате конкурентоспособности. Вместо *pobreza* ‘бедность’ употреблялись более абстрактные обозначения – *condiciones limitadas* ‘ограниченные условия’, *situaciones de esfuerzo* ‘напряженные ситуации’, *nivel de consumo contenido* ‘сдерживаемый уровень потребления’.

Характерной чертой эвфемистического языка франкистского режима было избегание персонализированных высказываний и критики власти. Ответственность за экономические трудности часто переносилась на внешние факторы (например, *presiones internacionales* ‘международное давление’ или *el legado de la guerra* ‘наследие войны’), а действия правительства описывались через безличные конструкции (*se ha reforzado la autosuficiencia nacional* ‘укрепилась национальная самодостаточность’).

Эвфемизация в экономическом дискурсе франкистской Испании была тесно связана с риторикой национального единства, дисциплины и послушания. Она выполняла функцию не только сглаживания, но и идеологического переопределения реалий, служила инструментом социальной мобилизации и символического контроля над восприятием экономической действительности.

Переходный период и неолиберализм

С окончанием диктатуры и началом демократических преобразований Испания вступила в новую политическую и экономическую фазу. Принятие Конституции 1978 года открыло путь к демократизации, либерализации и евроинтеграции. Однако смена политического строя не привела к исчезновению эвфемистических практик. Напротив, в условиях рыночных реформ и идеологии неолиберализма эвфемизация получила новое содержание и цели.

Если в эпоху франкизма эвфемизмы служили прежде всего маскировке реалий и идеологическому контролю сверху, то в переходный период они стали важнейшим инструментом публичной коммуникации. В условиях углубляющегося социального неравенства, дерегуляции и реструктуризации экономики язык вновь оказался средством стратегического управления восприятием, но теперь уже в логике рыночной эффективности, конкурентоспособности и модернизации.

Именно в это время формируется современный эвфемистический экономический дискурс, основанный на технократических терминах, англицизмах и институционализированных формулировках, которые позволяют скрывать социальные издержки реформ за «фасадом» рациональности и прогресса.

Экономические реформы конца 1970-х – 1990-х годов в Испании, вдохновленные неолиберальной моделью, сопровождались масштабными структурными трансформациями, в частности приватизацией государственных предприятий, дерегуляцией рынка труда, модернизацией фискальной политики. Данные процессы требовали соответствующего языкового сопровождения – такого, которое минимизировало бы общественное сопротивление и легитимировало бы реформы в глазах граждан. В этот период особенно активизируется технократическая эвфемизация. На смену идеологизированным и эмоционально окрашенным выражениям франкистской эпохи приходят рационально-нейтральные лексемы, часто заимствованные из экономической и управленческой англоязычной терминологии. Яркими примерами становятся такие выражения, как *flexibilización del mercado laboral* ‘гибкость рынка труда’, которая замещала реальные меры по сокращению социальных гарантий работников, ослаблению профсоюзов и распространению временной занятости; *movilidad laboral* ‘трудова́я моби́льность’, выступающая эвфемизмом нестабильной, низкооплачиваемой или вынужденной занятости; *reestructuración empresarial* ‘реструктуризация компаний’, под которой фактически скрывались массовые увольнения и закрытие предприятий.

Как отмечают исследователи, данные эвфемистические выражения, в состав которых входят абстрактные существительные с суффиксами *-ción*, *-dad*, *-miento*, создавали иллюзию нейтрального, управляемого и даже прогрессивного процесса. Это соответствовало коммуникативной установке нового демократического режима, а именно отказаться от авторитарной лексики, не утрачивая при этом возможности влиять на восприятие происходящего [10, p. 113].

Одновременно в обиход испанского публичного дискурса активно проникают англицизмы, воспринимаемые как маркеры «модернизации» и европейской интеграции. Термины *outsourcing*, *downsizing*, *stakeholders*, *performance* вытесняют свои испанские аналоги или даже табуированные обозначения вроде *despido* ‘увольнение’, *reducción de plantilla* ‘сокращение штата сотрудников’, *crisis de productividad* ‘спад производительности’. За счет англоязычного звучания и псевдоспециализированного характера данные слова зачастую не воспринимались как носители негативного смысла.

Наряду с этим возникает эвфемистическая риторика в сфере макроэкономики. Понятия *ajuste estructural* 'структурная корректировка', *consolidación fiscal* 'бюджетная консолидация', *revisión presupuestaria* 'пересмотр бюджета' обозначают жесткие меры экономии, сокращение социальных расходов и увеличение налоговой нагрузки, но в политическом дискурсе они преподносятся как «взвешенные» и «необходимые» шаги. Как справедливо замечает М. Е. Гомес Санчес, эвфемизация становится частью политической технологии согласия – язык убеждает, что потери неизбежны и «технически обоснованы» [8].

В переходный период испанский экономический дискурс переходит от эвфемизации как сокрытия (характерной для франкизма) к эвфемизации как идеологическому обоснованию реформ. Лексика теряет эмоциональную прямоту, но при этом приобретает стратегическую функцию – скрывать неравенство, снижать социальную тревожность и укреплять доверие к экономической политике нового демократического государства.

Кризисная риторика XXI века

Если в переходную эпоху эвфемизация служила в первую очередь инструментом легитимации рыночных реформ и адаптации общественного сознания к новой экономической модели, то в XXI веке она приобретает особенно гибкий и многоуровневый характер. В условиях череды глобальных и внутренних кризисов – от финансово-ипотечного обвала 2008 года до пандемии COVID-19 – экономический дискурс Испании сталкивается с необходимостью реагировать на острые социальные потрясения и управлять их публичным восприятием в реальном времени.

Современная риторика кризиса опирается на более утонченные эвфемистические стратегии. Акцент смещается с сокрытия содержания на управление интерпретацией и эмоциональной реакцией аудитории. Язык становится не просто отражением происходящего, а активным участником производства консенсуса и смягчения тревожности. Именно в этот период наблюдается резкий рост использования образных конструкций, абстрактных формул и глобализированных заимствований, формирующих «благозвучный фасад» экономической нестабильности.

Первым значимым эпизодом, актуализировавшим эвфемистические стратегии нового типа, стал глобальный финансово-ипотечный кризис 2008 года. Испанская экономика, до этого демонстрировавшая устойчивый рост, столкнулась с резким падением ВВП, банкротствами банков, кризисом недвижимости и резким ростом безработицы. В таких условиях политический и медийный дискурс был вынужден реагировать на новую реальность, не прибегая к лексике, способной вызвать панику или подорвать доверие к государственным институтам. Показательна при этом замена термина *crisis* на более нейтральные, например, *desaceleración económica* 'замедление экономики' вместо прямого указания на рецессию; *ajuste presupuestario* 'бюджетная корректировка' вместо *recortes sociales* 'социальные сокращения'; *reestructuración bancaria* 'банковская реструктуризация' вместо *rescate financiero* 'спасение банков за счет государства'. Подобные эвфемизмы

выполняли две ключевые функции: во-первых, они снижали уровень социальной тревожности, во-вторых, создавали впечатление технического контроля над ситуацией, переводя проблему из эмоциональной в рациональную плоскость [7, p. 26].

Особенно продуктивной стала эвфемизация в сфере трудовых отношений. Массовые увольнения обозначались такими выражениями, как *ajuste de plantilla* 'корректировка штата', *regulación de empleo* 'регулирование занятости', *reestructuración laboral* 'реорганизация трудовых ресурсов', которые вытесняли более прямые номинации вроде *despido masivo* 'массовое увольнение'. Распространение получил также термин *expediente de regulación de empleo (ERE)* 'досье регулирования занятости', выполняющий одновременно юридическую и эвфемистическую функцию, позволяя говорить о потере рабочих мест в нейтральных и технократических терминах.

К началу 2020-х годов испанский экономический дискурс вновь трансформировался в результате пандемии COVID-19. Ограничения, вызванные санитарной ситуацией, остановка производств, резкое сокращение ВВП и рост государственного долга привели к необходимости еще более деликатного языкового подхода. Появились новые эвфемизмы *hibernación de la economía* 'зимняя спячка экономики' вместо *parálisis* 'паралич' или *colapso* 'коллапс', *suspensión temporal de contratos* 'временная приостановка трудовых договоров' вместо *despidos* 'увольнения', *recuperación progresiva* 'постепенное восстановление (экономики)' вместо констатации отсутствия восстановления.

Существенную роль в этот период начала играть эвфемизация, связанная с цифровой экономикой и удаленной занятостью. Понятия *teletrabajo* 'удаленная работа', *nuevos modelos laborales* 'новые модели занятости', *economía colaborativa* 'коллаборативная экономика' часто преподносились как маркеры адаптивности и прогресса несмотря на то, что за ними нередко скрывались нерегулируемые, нестабильные и низкооплачиваемые формы труда.

В области макроэкономики активизировалось использование выражений *inyección de liquidez* 'вливание ликвидности', *plan de sostenibilidad* 'план устойчивого развития', *estímulo económico* 'стимулирование экономики', которые преподносились как меры поддержки, но скрывали будущие долговые риски и потенциальное увеличение налоговой нагрузки. Вместо прямого упоминания девальвации или инфляции использовались такие выражения, как *ajustes fiscales* 'налоговые корректировки' и *revisión del gasto público* 'пересмотр государственных расходов', что позволяло сохранять риторику «контролируемого процесса».

Кризисная риторика XXI века в Испании демонстрирует высокий уровень языковой адаптивности. Эвфемизмы данного периода не только выполняют функцию сокрытия негативных последствий, но и становятся полноценным инструментом управления коллективным восприятием. Речь идет не просто о замене одних слов на другие, а о трансформации самой логики представления экономической действительности через язык.

Таким образом, эвфемизация в испанском экономическом дискурсе представляет собой сложный и многослойный лингвистический механизм,

тесно связанный с политико-экономическим контекстом, институциональными интересами и динамикой общественного сознания. Эвфемизмы в данном сегменте функционируют не только как средства смягчения негативной информации, но и как риторические инструменты формирования когнитивной картины мира, направленные на легитимацию властных решений и снижение уровня социальной напряженности.

Историко-дискурсивный анализ продемонстрировал, что в разные периоды – от франкистской диктатуры до цифровой демократии XXI века – экономические эвфемизмы выполняли различные прагматические функции: от маскировки и сакрализации государственной политики до рационализации рыночных реформ и эмоциональной нейтрализации кризисных процессов.

Эволюция экономических эвфемизмов в испанском языке отражает более широкий сдвиг в коммуникативной парадигме – от дискурса сокрытия информации к дискурсу управления восприятием. Язык становится не просто способом репрезентации действительности, но и инструментом ее стратегического конструирования. Эвфемизация оказывается встроенной в систему когнитивного и социального контроля, реализуемого через институциональные практики наименования, интерпретации и нормализации экономических реалий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов, Ю. Н. Языковая личность / Ю. Н. Караулов // Русский язык: энцикл. – 2-е изд. – М. : Дрофа, 1997. – С. 671–672.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 576 с.
3. Арапова, Н. С. Эвфемизмы / Н. С. Арапова // Русский язык: Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М., 1997. – 636 с.
4. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М. : Флинта : Наука, 2012. – 374 с.
5. Ковшова, М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов / М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 320 с.
6. Allan, K. Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon / K. Allan, K. Burridge. – N. Y. : Oxford University Press, 1991. – 336 p.
7. Barranco Flores, N. El eufemismo léxico del discurso político y sus efectos cognitivos / N. Flores Barranco // Logo : Revista de Lingüística, Filosofía y Literatura. – 27 (1). – 2022. – Págs. 15–30.
8. Gómez Sánchez, M. E. El eufemismo político y económico en la prensa diaria: análisis de ABC y El País (1998) / M. E. Gómez Sánchez. – URL: <https://produccioncientifica.ucm.es/documentos/5d1df64829995204f766708a> (дата обращения: 10.07.2025).
9. Van Dijk, T. A. Discourse and Manipulation / T. A. Van Dijk // Discourse & Society. – 2006. – Vol. 17, No. 3. – P. 359–383.
10. Gómez Ferrer, M. Discurso político y manipulación ideológica / M. Gómez Ferrer. – Madrid : Arco Libros, 2010. – 204 p.

Поступила в редакцию 18.07.2025